

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЖАНРА ИНВЕКТИВЫ

В данной статье рассматривается один из аспектов генезиса инвективы как жанра. Инвектива анализируется на материале сборников Горация «Сатиры» и «Эподы» по следующим признакам: эмоциональная направленность, субъект высказывания, адресат, время.

Инвектива как жанр и отличие ее от инвективы как типа речи были представлены в работе С.А. Матяш «Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса» [1]. С.А. Матяш выделила следующие признаки инвективы:

1) повышенная эмоциональность, питающаяся осуждением лиц или явлений действительности, отсюда ораторский тип интонации;

2) присутствие адресата, формирующее субъектные отношения «я – ты (вы)»;

3) настоящее время, переходящее в будущее, – благодаря чему обвинение бросается как бы в лицо обвиняемому;

4) личная форма высказывания;

5) композиционное развертывание обличения по принципу амплификации.

В статье С.А. Матяш была конспективно дана история жанра инвективы и выдвинута гипотеза о том, что инвектива зародилась в недрах сатиры Горация. Тем не менее, анализом гипотеза подкреплена не была, поэтому мы намереваемся ее проверить в настоящем исследовании, в связи с чем анализируем инвективу в сборниках Горация «Эподы», двух книгах «Сатир» и двух сборниках «Посланий» [2].

О Горации существует обширная литература, в которой изучаются темы, идеи произведений римского поэта [3, 4], метрика, строфика и композиция его сборников [2], рассматриваются нововведения, привнесенные им в античную поэзию [5], и т. д. Однако интересующая нас проблема до сих пор не затрагивалась.

При исследовании жанра инвективы мы пользуемся методикой и методологией Ю.И. Левина [6], а также применяем метод количественной оценки. Инвектива анализируется также и с точки зрения характера субъекта и адресата, выраженных грамматическими формами. Этому посвящена статья А.С.

Краковяк и С.А. Матяш «Проблема жанра инвективы в свете системно-субъектного подхода» [7]. Деля количество строк какого-либо текста на число форм, исследователи определяют степень насыщенности текста этими формами, т. е. показатель проявленности субъекта в тексте (показатель эготивности, или ПЭ) или показатель проявленности адресата – показатель апеллятивности (ПА). Строгой взаимозависимости ПЭ и ПА пока выявлено не было. Просчитав ПЭ и ПА в польской и русской поэзии периода Великой Отечественной войны, исследователи пришли к выводу, что «как правило, в инвективах апеллятивность выше эготивности <...> Этот результат дает числовое выражение выделенному нами константному признаку жанра инвективы – обращенности гневной речи к адресату» [4]. Анализируя инвективы у Горация, мы также проведем подсчеты ПА и ПЭ.

В сборниках Горация нами было обнаружено 5 инвектив, причем 4 из них встретились в эподах и лишь одна – в сатирах (сатира 1 первой книги). В сборниках «Посланий» инвективы вообще отсутствуют. Следуя хронологическому принципу, остановимся сначала на первой книге «Сатир», опубликованной между 35 и 33 годами и посвященной Меценату.

Первая сатира «Что за причина тому, Меценат...» (перевод М. Дмитриева) содержит инвективу, которая занимает лишь 8 стихов (86-93) при общем объеме 121 стих. Данная сатира является эготивно-апеллятивной (терминология Ю.И. Левина). Текст написан от первого лица, которое отождествляется с реальным автором (1 соб.):

Слушай, к чему я веду...

Впрочем, начал я речь не затем,

чтоб потешиться шуткой!

Я возвращаюсь к тому же, чем начал...

Редкий доволен судьбой, считая счастливым
 другого!
 <.....>
 Хочет сравняться с одним, с другим,
 а с третьим не может! (109-113)

Гораций сожалеет, что люди не ценят то,
 что имеют, сетуют на жизнь, поэтому редко
 кто может сказать, что прожил жизнь счаст-
 ливо. В заключительных стихах появляются
 ироничные нотки:

Но уж довольно: пора замолчать,
 чтобы ты не подумал,
 Будто таблички украл у подслепого я,
 у Криспина! (120-121)

Для того чтобы более четко показать при-
 знаки инвективы, проанализируем сатиру, ко-
 торая не является инвективой и не содержит
 инвективные части. Для анализа мы выбрали
 шестую сатиру «Нет, Меценат, хоть никто из
 этрусков, лидийских потомков...» (перевод М.
 Дмитриева), содержащую 131 стих.

Главные ее темы – богатство и знатность.
 Гораций использует прием контраста в обыг-
 рывании этой темы. Он показывает людей,
 испорченных деньгами и знатным происхож-
 дением, и противопоставляет им своего покров-
 ителя Мецената, с которым никто не может
 сравниться по знатности рода, однако он:

...орлиный свой нос задирать
 перед теми не любишь,
 Кто неизвестен, как я, сын раба,
 получившего волю!
 Ты говоришь, что тебе все равно,
 от кого кто родился,
 Лишь бы родился свободным... (5-8)

Меценат обрисован Горацием мудре-
 цом, понимающим, что и человек «незнат-
 ного рода» может быть добродетельным и
 уважаемым людьми. За это поэт, сам являю-
 щийся сыном вольноотпущенника, преклон-
 няется перед своим покровителем. Такие раз-
 мышления заставляют Горация вспомнить
 своего отца, детство и первую встречу с Ме-
 ценатом, который и тогда «глядел» не на
 знатность, а «на жизнь и на чистое сердце».

В сатире соблюдаются субъектные отно-
 шения «я – ты», тип ее эготивно-апеллятив-
 ный. Однако обличительный пафос, направ-
 ленный против 2-го лица (как это характер-
 но для инвективы), здесь отсутствует. На
 протяжении почти всей сатиры местоимение
 «ты» подразумевает Мецената:

Всем я противен как сын раба,
 получившего волю:
 Нынче за то, что тебе, Меценат, я приятен
 и близок... (46-47)

Исключение составляют стихи с 25-30,
 где в качестве 2-го лица («ты») выступает
 Тиллий. В примечании М.Л. Гаспаров ука-
 зывает, что он был изгнан Юлием Цезарем
 из сената, а после его гибели вновь начал
 политическую карьеру [2]. Гораций обра-
 щается к нему и говорит о том, что тот не на-
 жил бы столько врагов, «оставаясь простым
 гражданином». Обличительного пафоса в
 словах поэта также нет. Таким образом, мож-
 но сделать вывод, что персонаж, представ-
 ленный 2-м лицом, к которому автор обра-
 щается на «ты», в данной сатире является
 собеседником, а не противником, как в ин-
 вективе. А обличительный пафос направлен
 против «глупого народа», «граждан» и всех
 тех, кто высокое происхождение и состоя-
 тельность ставит превыше всех остальных
 человеческих качеств:

Даже римским народом ценился не более асса,
 Глупым народом, который, ты знаешь,
 всегда недостойным
 Почести рад расточать, без различия
 рабствуя славе
 И без разбора дивясь и титулам
 и образам предков. (14-17)

В данной сатире ПЭ составляет 2, а ПА –
 4,2. Напомним, что в предыдущей сатире с
 инвективой эти показатели составляли 4,8 и
 2,5 соответственно. Таким образом, в сати-
 ре 1 первой книги, где находятся строки с ин-
 вективой, числовое выражение обращенно-
 сти гневной речи к адресату выше.

В заключении 6 сатиры Гораций раз-
 мышляет о своем положении в обществе. Он

не обременен ни властью, ни богатством и поэтому свободен. Поэт благодарен судьбе, что на его долю выпала такая участь:

Я утешаюсь тем, что приятней живу,
чем когда бы
Кветором был мой отец, или дедушка,
или же дядя. (130-131)

После выхода в свет первой книги «Сатир» Гораций опубликовал «Эподы», сборник из 17 произведений, которые он писал одновременно с сатирами. Сам поэт назвал эти стихотворения «ямбами», «вследствие едкого содержания многих из них», беря за образец ямбы греческого поэта Архилоха [8]. Однако позже ямба было присвоено название «Эподы», которое и сделалось общеупотребительным. «Эподы» представляли собой семнадцать стихотворений разной величины и состояли из двустиший, в основном написанных ямбическим размером, иногда соединенным с гекзаметром; второй стих, следующий за первым, напоминал припев, отсюда и название – «эподы» – по-гречески «припевы».

В первой части «Словаря древней и новой поэзии» Н.Ф. Остолопова 1821 года эподу дается следующее определение: «*Эпод* – так называлось у греков и римлян собрание лирических стихов; <...> Эподами называли еще лирические песни, состоящие из двустиший; первый стих такой поэмы был ямб триметр, а последний ямб диметр. <...> слово *Эпод* происходит от *epi* – над, по, и *иде* песнь, т. е. стих, поющий после или напоказ» [9]. В «Словаре античности» под эподом понимается «укороченный стих, следующий за одним или несколькими одинаковыми стихами, который отличается от предшествующих ритмически (в большинстве случаев за ямбическим триметром следует ямбическая или дактилическая стопа)» [10]. И. Шталь в «Словаре литературоведческих терминов» также рассматривает эпод как «*припев: второй стих ямбического двустишия, составленного из триметра и диметра, а впоследствии и все стихотворение, образованное двустишиями одной метрической системы*» [11]. Таким образом, при определении жанра эпода учитывалось его положение и метрика. Однако

В.С. Дуров отмечал такую особенность эпода у Горация: «*Кажется, что в «Эподах» Гораций дал выход накопившемуся отчаянию и порожденному им сарказму, излив рвущееся из его сердца негодование в стихах, по своему духу нередко более сатирических (в общепринятом смысле слова), чем те, что составляют «Сатиры» <...>*» [3]. И действительно из 17 эподов 4 составляют инвективы. Рассмотрим их подробнее.

4 эпод к вольноотпущеннику (перевод Ф. Петровского) начинается сразу с инвективы, которая занимает первые 6 стихов. Поэт бросает гневные слова своему противнику в настоящем времени:

Вражда такая ж, как у волка с овцами,
И мне с тобою выпала.
Бичами бок твой весь прожжен испанскими,
А голени – железами. (1-4)

В инвективе соблюдены субъектные отношения: реальный автор выражен эксплицитным «мне», адресат, также эксплицитный, выражен собственным 2 лицом, которое отождествляется с реальным человеком – выскочкой-вольноотпущенником Мендором, на что указывает М.Л. Гаспаров в примечаниях к эподам, ссылаясь на античных комментаторов [2].

Показатель эготивности в инвективе – 6, показатель апеллятивности равен 2. Таким образом, насыщенность текста грамматическими формами адресата более интенсивна.

Поэта возмущает, что вольноотпущенник скрывает свое происхождение и делает это с помощью денег:

Ходи ты, сколько хочешь, гордый деньгами, –
Богатством свой не скроешь род! (5-6)

Эпод состоит из 20 стихов, с 10 стиха и до конца стихотворения право обличать вольноотпущенника Гораций передает прохожим, полным негодования, а 2-е лицо адресата переходит в 3-е:

«Плетьми запорот так он триумвирскими,
Что и глашатай выдохся;
В Фалерне ж он помещик: иноходцам
Он бьет дорогу Аппия» (11-14)

Отрицательный пафос 5 эпода заложен уже в обращении – против Канидии (перевод Ф. Петровского). Из первых строк становится ясным, что эпод обращен к конкретному лицу, колдунье Канидии, которая хочет убить мальчика и сделать из его печени и костного мозга любовное зелье.

Эпод открывается прямой речью. Мальчик обращается к колдунье, умоляет ее не совершать злодеяние. Обращения мальчика происходят в настоящем времени. Здесь имеет место так называемая ролевая инвектива (стихи 5-10):

«Зачем ты смотришь на меня, как мачеха,
Как зверь, стрелюю раненый?»

1 лицо, таким образом, представлено как чужое (1 чуж.). Показатель эготивности равен 2. Адресат выражен эксплицитно, через апеллятивное «ты» (2 соб.). Показатель апеллятивности – 1,5:

«Детьми твоими заклинаю я тебя,
Коль впрямь была ты матерью...» (5-6)

Колдунья не слушает мальчика, раздевает его, чтобы подготовить к обряду. Центральная часть как раз представляет собой описание самой колдуньи, которая призывает темные силы быть ей пособницами, и ее подруг – ведьм Саганы, Вейи, Фолии. Они роют могилу и читают заклинания. Часть эта довольно большая: она занимает 50 стихов из 102.

С 60 стиха наступает перелом в событиях, мы узнаем, что планы ведьм не осуществились. Колдунья, более сильная, чем Канидия, разрушила колдовские чары. Но Канидия не унимается, она клянется, что все равно «приважит» Вара:

Сильней, сильнее зелье приготовлю я,
Тебе волью изменнику! (77-78)

Мальчик, который остался жив, перестает заискивать перед колдуньями. Его слова резко отличаются от тех, что он говорил в начале стихотворения. Теперь он выкрикивает ведьмам гневные проклятья (угрозы совершаются в настоящем времени, переходящем

в будущее), которые и завершают все произведение. Его монолог отличается беспощадной ненавистью и высокой эмоциональной напряженностью, что подтверждается и синтаксически – восклицательными знаками:

Проклятье вам! И этого проклятия
Не искупить вам жертвами!
<.....>
На грудь налягу вашу беспокойную
И сна лишу вас ужасом!
Всех вас, старухи мерзкие, камнями
Побьет толпа на улице,
А трупы волки растерзают хищные...
(89-90, 95-99)

Таким образом, общий объем инвективы в данном эпode составляет 27 стихов: стихи 5-10, 87-102 – обвинения и проклятие, бросаемые мальчиком к колдунье, и 73-79 – в этих стихах Канидия грозит изменнику Вару.

В 6 эпode к клеветнику (перевод Н. Гинцбурга) обращение также определяет пафос стихотворения. Данный эпод значительно меньше предыдущего по объему – 16 стихов. Отсутствует как таковой и сюжет.

Эпод представляет собой обвинения, бросаемые поэтом клеветнику. Поэт довольно резко называет обвиняемого:

Что на прохожих мирных, пес, кидаешься?
<.....>
А ты, наполнив рощу грозным лаем, сам
Кусок, что кинут, нюхаешь.
Смотри, смотри же! Я – на злых жесток –
держу...
Рога мои готовыми...(1, 9-11)

Стихи 1-4, 9-12 содержат характерные для инвективы признаки: эмоциональность и резкое обличение (поэту явно неприятен клеветник, он старается как можно сильнее уязвить его), настоящее время и субъектные отношения «я – ты»:

Посмей-ка только на меня ты броситься,
Узнаешь, как кусаюсь я! (3-4)

Показатель эготивности и апеллятивности в стихах 1-4 одинаковый и равен 2. А в

стихах 9-12 ПЭ равен 2 при показателе апеллятивности, равному 4.

7 эпод к римскому народу (перевод А. Семенова-Тян-Шанского) содержит 20 стихов, он организован как единое обращение к эксплицированному адресату – народу. Стихи 1-2 и 14-15 относятся к инвективе апеллятивного типа. Показатель эготивности равен нулю в первых двух стихов, т. к. автор формально не выражен, показатель апеллятивности равен 1; во втором двустишии: ПЭ равен так же нулю, а ПА – 0,6. Формальными показателями данного утверждения являются: местоимение «вы» и обращения: «Куда, куда вы валите, преступные, / мечи в безумье выхватив...», а также формы глаголов:

Ослепли вы? Влечет вас всех неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте! (13-14)

Автор является имплицитным, т. к. не выражен в тексте, но его присутствие явно ощущается на протяжении всего эпода. Это проявляется прежде всего в вопросах, заданных своему народу, а также в назиданиях и поучениях, к которым он призывает прислушаться:

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских

Залито кровью римскою –
<.....>

Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Вражду лишь с другим зверьем!
(1-4, 11-12)

Автор заявляет о себе и в последних четырех стихах, финал представляет собой его обращение к истории. Поэт говорит о преступлении Ромула, которое считалось прообразом и истоком гражданских войн в Риме:

Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклявшая. (17-20)

Время в эподе настоящее и переходящее в прошлое, когда поэт рассуждает о грехах своего народа и обращается к истории.

Итак, исследование показало, что в творчестве Горация (а именно в эподах) наметились основные черты инвективы, которая потом стала источником инвективы как жанра в русской поэзии XVIII-XX веков. Это объясняется тем, что сборники эподов Горация носили главным образом личный характер, отличались большей гневностью и колкостью, нежели сатиры, которые скорее являлись собой философско-дидактические беседы на различные темы.

Список использованной литературы:

1. Матяш, С.А. Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса / С.А. Матяш // Феномен русской классики: Сб. статей / Отв.ред. Ф.З. Канунова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – С. 17-32.
2. Квинт, Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Г.Ф. Квинт // Вступ. Статья и комментарии М. Гаспарова, М.: Художественная литература 1970. – 480 с.
3. Гораций. Собрание сочинений / Гораций // Вступ. статья и комментарии В.С. Дурова – СПб., 1993. – 270 с.
4. Борухович, В.Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. / Борухович В.Г. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 120 с.
5. Морева-Вулих, Н.В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация / Н.В. Морева-Вулих, СПб., 2000. – 247 с.
6. Левин, Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю.И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
7. Краковяк, А.С., Матяш, С.А. Проблема жанра инвективы в свете системно-субъектного подхода / А.С. Краковяк, С.А. Матяш // Памяти профессора В.П. Скобелева: проблемы поэтики и истории русской литературы XIX – XX веков. – Изд-во «Самарский университет», 2005. – С. 80
8. Миллер, Л. Жизнь и сочинения Горация / Л. Миллер. – СПб.: Карла Риккера, 1880. – 82 с.
9. Эпод // Остолопов, Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии / Н.Ф. Остолопов. – СПб., 1821. – Ч. 1. – С. 523-524.
10. Эпод // Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989. – С. 662.
11. Эпод // Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 472.